

«Это все — о России»

Понимание России отнюдь не исчерпывается патриотической тематикой, а любовь к ней порой проявляется в самых неожиданных литературных формах. Но именно они-то и становятся настоящим камертоном, по которому настраивается сознание в унисон с уникальной мелодией страны. В День России «Новости литературы» представляю подборку из пяти довольно неожиданных книг, в которых, тем не менее, отражается нечто общее. Это нечто — любовь...

Вячеслав Рыбаков «Гравилет «Цесаревич»»

Ученый, писатель и сценарист Вячеслав Рыбаков написал этот роман в непростое время. 1990-е годы были в самом разгаре и оптимизма вокруг не наблюдалось. В книге же – прекрасная снаружи и внутри, развитая научно и технически, благоденствующая Российская Империя образца... 1992 года. Никакой революции не было, коммунисты – уважаемое в обществе религиозное течение, личные обстоятельства – как, например, рождение внебрачных детей – переживаются сообща с законной супругой, и считается, что «российская культура прошлого века много потеряла бы без Кавказа. Отстриги — такая рана возникнет... Кровью истечет... Считай, здесь одно из сердец России».

Здесь для дальних перелетов используются не аэробусы на двигателях внутреннего сгорания – а гравилеты, аппараты, преодолевающие гравитационное поле. На одном из таких при таинственных обстоятельствах гибнет наследник престола. Расследуя это происшествие, герой романа – полковник госбезопасности Трубецкой – обнаруживает экспериментальное пространство, в котором существует страна-двойник его России. В которой коммунисты совершили кровавый переворот, промышленность и транспорт используют ископаемые ресурсы, выкачиваемые без ограничений из недр земли, учителя влачат нищенское существование. Напоминает что-то? Рыбаков предлагает свой – неожиданный – взгляд на реальность.

Фредерик Бегбедер «Идеаль»

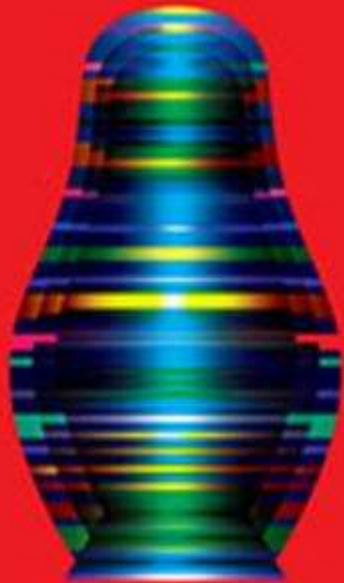
Казалось бы, что общего у француза Бегбедера с Россией и темой России в литературе? На самом деле – очень много. Фредерик Бегбедер много раз побывал по эту сторону границы и, пряча за эпатажным поведением острый взгляд наблюдателя, многое увидел, примерил на себя, понял и оценил. Взгляд со стороны, взгляд другого человека – вообще один из самых ценных активов, которыми может разжиться нация. Фредерик Бегбедер сделал русским такой подарок, написав роман «Идеаль» («Au secours pardon» в оригинале). Что этот развязный иностранец, герой которого занят тем, что отбирает девушек для модельного бизнеса и кто знает для чего ещё, может сказать о России? О русских девушках? О любви?

Как выясняется – очень и очень много. В довольно грубой с одной стороны и аллегорической с другой стороны форме французский писатель продемонстрировал уникальность и желанность русской души, по традиции принявшей форму русской девушки. Важно и то, что в любви героя – а к нам в «Идеале» вернулся из небытия сам Октав Паранго (Франко) – отчетливо чувствуются нотки.

Ну, и попутно Бегбедер дал целую россыпь «живых картин» — не всегда приятных на первый взгляд, но всегда – именно живых. Впрочем, второй взгляд на бегбедеровский паноптикум уже сильно сдвигает акценты. Наконец, нельзя не отметить, что в «Идеале» русское торжество настолько очевидно, что в итоге даже приятно самому герою и, пожалуй, писателю. А это ли не высший балл, который можно получить от иностранца?

Фредерик Бегбедер

ИДЕАЛЬ

Бегбедер ищет в России
своего ангела красоты

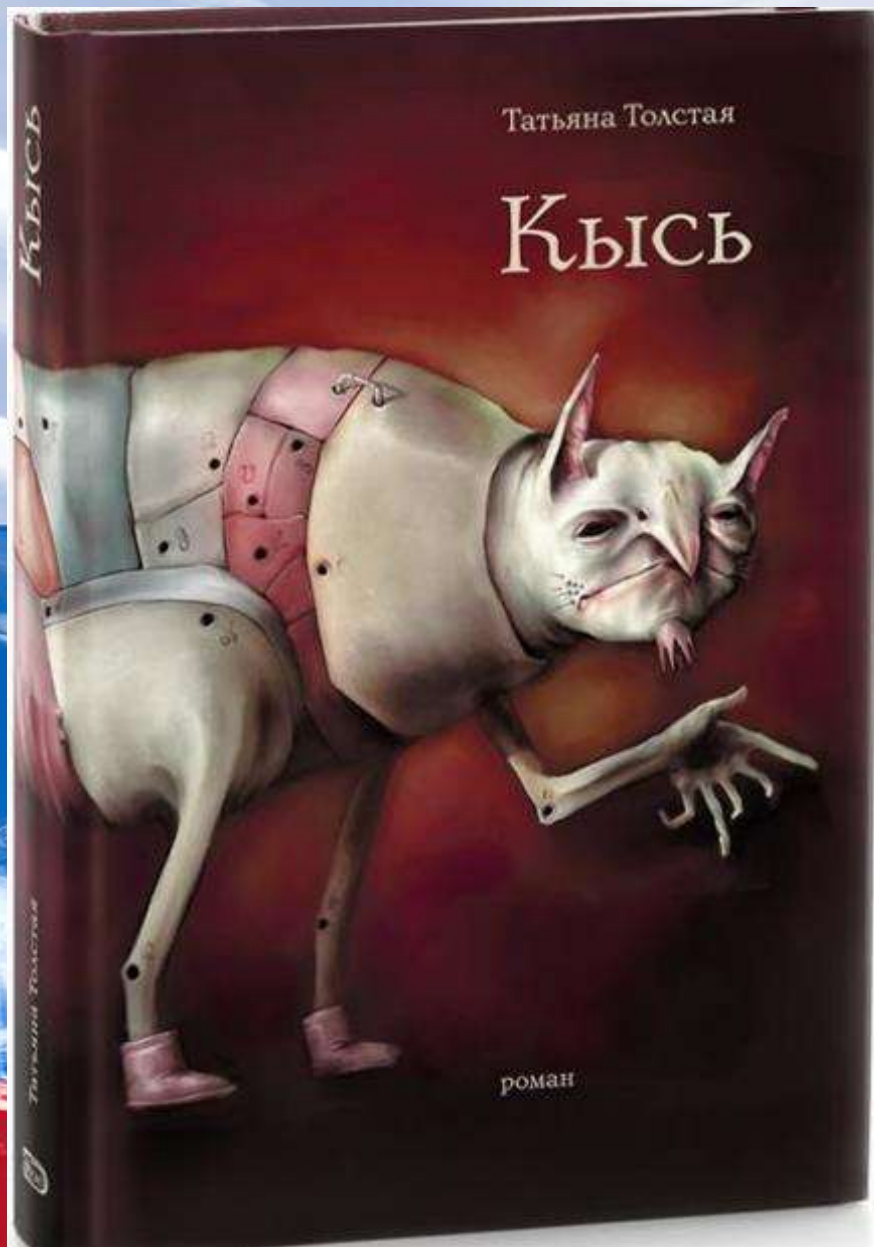
THE BEST OF ИНОСТРАНКА

Елена Хаецкая, Виктор Беньковский «Анахрон»

Возможно, это правда, и Петербург – совсем не Россия. Но тогда правда и то, что без Петербурга настоящей России нет и быть не может. Станный город, построенный на болотах и живущий своей особенной жизнью, стал и окном, и орденом, и заплатой. О нем написано много пафосных страниц и много нервных стихотворений. А вот так, чтобы тепло, по-человечески и как будто с тобой разговаривает через стол лучший друг – этого как-то не случилось. Ну, может быть вскользь и совсем немного. Пока два питерских писателя не создали в начале 90-х «Анахрон». Тонкий юмор и горькая житейская ирония, мастерски вплетенные истории из жизни, и «человеческая комедия» пост-советского пространства, и воспоминания, и заработки, и дед-НКВДшник, и старый гараж, и авангардный театр, и мама с папой на пенсии, и, конечно, «Сайгон»! – а в середине стоит, глупо улыбаясь, белокурая девица в домотканой одежде и со здоровенной золотой «лунницей» на шее. Она не говорит по-русски и вообще непонятно, откуда она взялась. А потом становится непонятно, как без неё жить. При том, что все не очень понимают, как сейчас жить вообще. Но делают это весьма успешно и даже с юмором. Ведь это Россия – хотя и говорят, что Петербург – вовсе не она...

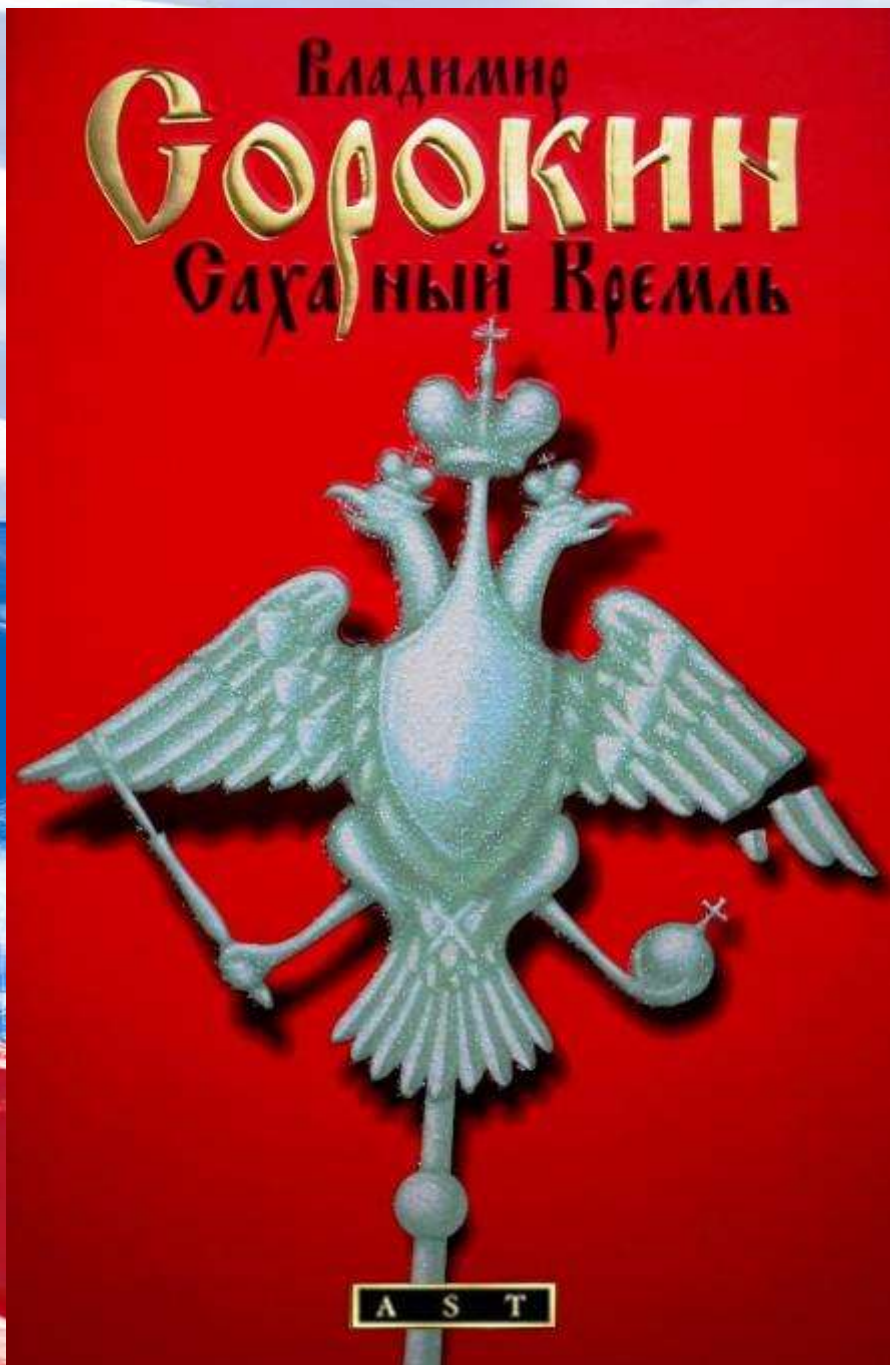
Отметим, что «Анахрон» очень сложно причислить к какому-то конкретному жанру, и все попытки сделать это жестоко кастрируют впечатление. Это просто очень хороший Роман – в лучших традициях русской литературы.

Татьяна Толстая «Кысь»

Татьяна Толстая писала эту книгу добрых четырнадцать лет. Сейчас, по прошествии почти стольких же со дня выхода романа («Кысь» напечатали в 2000-м г.) уже ясно, что дело того стоило. И не потому, что его наградили «Студенческим Букером десятилетия» и премией «Триумф» в 2001-м г. А потому, что Толстой удалось создать идеальную картину постапокалиптической России. Точно и мастерски используя фантастические приёмы, Татьяна Толстая сделала произведение, в котором нет ни капли назидательности, но есть пронзительная мораль, от которой не отвернуться. Писательница умудрилась дать полные натурализма картины и избежать неприглядности, включить иронию на полную мощность и не впасть в сарказм, использовать русскую народную традицию, но уйти от лубка и славянофильства так далеко, как это только возможно, напугать до дрожи, но не сделать из книги триллер. Словом, «Кысь» — настоящий шедевр, и каждая минута времени была потрачена на него не зря. Эта книга – вне времени, но зато очень привязана к конкретному пространству: к России.

Владимир Сорокин «Сахарный Кремль»

Один из самых популярных жанров современной литературы – антиутопия. Во всяком случае, именно в этом формате писателям сейчас проще всего выражать свои идеи – иначе откуда бы столько блестящих антиутопий? Так или иначе, сборник рассказов современного классика Владимира Сорокина выполнен с применением именно этого художественного метода.

Сорокин поступает мудро: он читателю ничего не объясняет. Будучи в первую очередь всё-таки художником-концептуалистом, Владимир Георгиевич рисует широкими сочными мазками полотно, а как его ощущать и объяснять – дело аудитории. И аудитория видит перед собой Россию недалёкого будущего, пережившую – как знают о своей стране сами персонажи – три смуты: Красную, Белую и серую. Теперь Россия снова живет при самодержавии, регламентирует только отечественные товары и пользуется старинным вариантом русского языка, а также интернетом и телевидением. С этими исходниками Сорокин пишет пятнадцать разных рассказов, стилизованных каждый под конкретное произведение мировой литературы. Которые, как и все книги Владимира Сорокина, преследуют одну цель: спровоцировать читателя на определенные эмоции и размышления. Здесь их центр – Россия... по Сорокину, конечно.